

А.Л. Рочева, Е.А. Варшавер, Н.С. Иванова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, к. 3, Москва, 119571
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

ИНТЕГРАЦИЯ МИГРАНТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ ИЗ ЗАКАВКАЗЬЯ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ: СОЦИАЛЬНЫЕ, ЯЗЫКОВЫЕ И ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ

Представлены результаты качественного исследования интеграции мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области в том, что касается их кругов общения, романтических и брачных партнеров, этнических идентификаций и языковых компетенций. Статья написана на основании анализа 169 интервью с мигрантами второго поколения и экспертами, проведенных в восьми населенных пунктах региона. Полевая работа в Тюменской области — часть проекта по изучению мигрантов второго поколения в России, который выполняется смешанными — количественными и качественными — методами и является первым всероссийским проектом, сфокусированным на мигрантах второго поколения из категории молодых взрослых (18–35 лет). Под мигрантами второго поколения понимаются те, кто окончил в России школу и чьи родители приехали из другой страны, независимо от того, родились они в России или переехали в дошкольном или школьном возрасте. В силу полиэтничности региона круги общения мигрантов второго поколения — смешанные, этнические идентификации связаны с номинальными этническими категориями, но инклюзивны, романтические отношения возникают с представителями «иных» этнических категорий, а браки, напротив, чаще заключаются с представителями «своих» категорий. Русским языком мигранты второго поколения владеют свободно, а уровень владения родным языком или языками родителей варьируется.

Ключевые слова: мигранты второго поколения, второе поколение мигрантов, Средняя Азия, Закавказье, Тюменская область, интеграция, круги общения, брачное поведение, романтические партнеры, этническая идентификация, язык.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175

Статья написана на основании научно-исследовательской работы «Анализ интеграционных траекторий мигрантов второго поколения в России» в рамках государственного задания РАНХиГС на 2018 г.

Введение

В статье публикуются результаты качественного исследования интеграции мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области, основанного на материалах 169 интервью с мигрантами второго поколения и экспертами, проведенных в восьми населенных пунктах региона. Полевая работа в Тюменской области является частью проекта по изучению мигрантов второго поколения в России, который выполняется с использованием смешанных — количественных и качественных — методов. Это первый всероссийский проект, сфокусированный на мигрантах второго поколения из категории молодых взрослых (18–35 лет). Под мигрантами второго поколения понимаются те, кто окончил в России школу и чьи родители приехали из другой страны, независимо от того, родились они в России или переехали в дошкольном или школьном возрасте.

Интервью в Тюменской области проводились с мигрантами второго поколения и членами их семей, а также с экспертами в следующих населенных пунктах: города Тюмень, Сургут, Нефтеюганск, Ноябрьск, Салехард, Новый Уренгой, Покачи и поселок Нижнесортимский. Ранее авторами было представлено более подробное описание методологии, а также рассмотрены особенности принимающего контекста, миграционных траекторий и социально-экономических характеристик родителей интересующего нас второго поколения мигрантов и образовательно-трудовых траекторий самих мигрантов второго поколения [Рочева и др., 2019]. В этой статье

обсуждаются результаты анализа данных по кругам общения мигрантов второго поколения, их романтическим и брачным партнерам, этническим идентификациям и языковым практикам.

Круги общения

Полиэтничность региона способствует тому, что круги общения второго поколения в Тюменской области разнообразны как на протяжении школьных лет, так и после окончания школы.

Одноклассники и школьные друзья наших информантов — как правило, разных национальностей. У многих информантов, особенно мигрантов второго поколения из Средней Азии, в классе не было других представителей их национальности. Например, у информанта из узбекской семьи из Киргизии (м., 30 лет, Кырг., № 359)¹ в школе в Ноябрьске, по его словам, училось много нерусских, но узбеков не было совсем, а его лучшими друзьями стали азербайджанец и русский. Информантка из таджикской семьи (ж., 22 года, Тадж., № 299) в тюменской школе училась в преимущественно русском классе, где также были трое армян, один узбек, одна татарка и одна узбечка, с которой они и подружились. Мигрант второго поколения (м., 18 лет, Кырг., № 251) учился в школе в Сургуте в многонациональном классе, вместе с русскими, татарами, таджиком, дагестанцем и азербайджанцами, но киргизов, кроме него, в классе не было, и его лучшими друзьями являлись два русских и два азербайджанца.

Если в классе были представители той же национальности, что и информант, дружба между ними возникала не всегда. Наиболее очевидная ситуация отсутствия такой дружбы связана с тем, что они были разного пола. Так, информантка из азербайджанской семьи (ж., 22 года, Азерб., № 244) училась в одном классе с мальчиком-азербайджанцем, и они не дружили, а дружила она только с девочками, среди которых азербайджанок не было, так что ближайшая подруга была русская. Но и в тех случаях, когда встречались одноклассники — представители той же национальности и того же пола, что и информанты, дружеского общения могло не сложиться; более того, бывали случаи конфликтов. Например, все одноклассники Н. (м., 16 лет, Азерб., № 289), который сейчас учится в девятом классе в одной из нефтеюганских школ, — русские, а в параллельном классе есть один азербайджанец, с которым они подрались в шестом классе и не общаются до сих пор. Информант объясняет это тем, что тот азербайджанец «другого поведения» — курит и стреляет мелочь по школе. По настоянию родителей, не общался с другими азербайджанцами и «кавказцами» в школе в Пыть-Яхе живущий сейчас в Тюмени Б. (м., 28 лет, Азерб., № 303).

Впрочем, есть и такие случаи, когда в школе складывались моноэтнические круги общения. Пример тому — выросший в Тюмени в азербайджанской семье К. (м., 19 лет, Азерб., № 324), который с первого класса сдружился с двумя одноклассниками-азербайджанцами, и кроме них в классе из 32 человек было 8 русских, а остальные ребята — молдаване, узбеки и таджики. Другой пример моноэтнических (армянских) кругов в школе — выросший в Сургуте О. (м., 21 год, Арм., № 222), в классе которого было еще два армянина, а остальные — русские и один татарин, и, по его словам, их армянская «мафия» «держала школу».

По окончании школы круги общения могут меняться в зависимости от дальнейшей траектории. Например, если информант становится студентом вуза в крупном городе, его круги общения становятся более интернациональными, и часто в них увеличивается присутствие представителей его национальности. Так, Е. (ж., 22 года, Узб., № 331), среди одноклассниц которой были в основном русские, в старших классах ни с кем из них не дружила, а поступив в медицинское училище, с радостью обрела компанию из десяти нерусских девушек, среди которых азербайджанки, узбечки, лезгинки, киргизки и кумычки. Аналогично Б. (ж., 21 год, Кырг., № 300) и Е. (ж., 20 лет, Кырг., № 308) подружились с другими киргизками только в университете в Тюмени, тогда как в школе — в первом случае в Сургуте, во втором — в Салехарде — у них таких подруг не было. Свою киргизскую компанию, в которую входят около десяти человек, они в шутку зовут киргизской «мафией». Как рассказывал мигрант второго поколения из Армении И. (м., 27 лет, Арм., № 315), он не дружил в школе с другими армянами, в основном друзья были русские, но в университете оказался в ситуации, когда студенты делились «по национальностям»: «заходишь на первый этаж — там все стоят кучками по национальностям, и был «армянский уголок» — диван, где всегда тусили армяне. Если с ними не тусили другие армяне, про них могли сказать, что вот — дистанцируются». Так он стал общаться с армянами, но уже при поступлении в маги-

¹ Описание информантов, приводимое в скобках, включает в себя пол, возраст, страну происхождения родителей, номер по внутренней системе учета информантов

стратуру его круг общения сменился, и теперь, спустя несколько лет после окончания университета, его ближайшие друзья — четверо русских и один молдаванин.

Выделяется как минимум два контекста, которые могут так же значительно, как образовательные учреждения, менять конфигурацию круга общения. Во-первых, это мечети, где могут возникать новые социальные связи с представителями той же национальности. Например, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353) из семьи талышей, выросший в Ноябрьске, именно в мечети познакомился со своим будущим бизнес-партнером — тоже мигрантом второго поколения из азербайджанской семьи. Во-вторых, это занятия спортом, которые могут оказывать воздействие на социальные связи, увеличивая или уменьшая долю представителей той или иной национальности среди друзей. Например, мигрант второго поколения из Армении (м., 24 года, Арм., № 235), серьезно занимаясь вольной борьбой, подружился с лезгинами, а его родной брат играл с детства в баскетбол, и его круг общения в большей степени русский; мигрант второго поколения из Таджикистана (м., 21 год, Тадж., № 350), занимаясь единоборствами, подружился с русским; информант из азербайджанской семьи (м., 24 года, Азерб., № 284), окончив школу в г. Покачи и спортивный интернат в Ханты-Мансийске, вернулся в родной город, а сейчас собирается переезжать в Сургут к своим друзьям-армянам, с которыми он познакомился благодаря спорту.

Важный, хотя и не всегда проговариваемый фактор, влияющий на социальные связи информантов, — наличие или отсутствие родственников в населенном пункте. Их наличие способствует тому, что как минимум в детстве информант будет тесно соприкасаться с земляческой средой. Например, Т. (ж., 20 лет, Азерб./Груз., № 320) тесно дружит со своими многочисленными кузинами — азербайджанками из того же района Грузии, что и ее семья, а также из других регионов, и даже познакомилась с ними своих школьных подруг. Информант из узбекской семьи, чей отец приехал из Киргизии в Нижнесортымский (м., 17 лет, Кирг., № 266), сообщает, что его друзья — кумык и узбек, но ближайшие люди, которым он может рассказать «что угодно», — это двоюродные братья, трое из которых здесь, а остальные — в Киргизии и в Андижане. Зачастую наличие в ближайшем окружении родственников и земляков способствует тому, что мигрантов второго поколения, в первую очередь девочек, воспитывают более строгим и «традиционным» образом, причем девочек пытаются контролировать не только родные, но и двоюродные братья. Например, в Нижнесортымском есть значительное число семей из одного района Таджикистана, которые тесно общаются, и в этот круг входит семья нашей информантки Т. (ж., 19 лет, Тадж., № 223), где младшие должны обращаться к старшим на «Вы» и не могут с ними спорить, а саму Т., по ее словам, выдадут замуж только за таджика. В Нефтеюганске много талышских семей из Масаллинского района Азербайджана. Например, В. (ж., 25 лет, Азерб., № 295) росла в окружении порядка девяти других талышских семей и никогда не была зарегистрирована в социальных сетях, потому что сначала запрещал брат, потом — муж. Учиться в другой город на медсестру, как она хотела, ее не отпустили, она выучилась на парикмахера, а потом вышла замуж за азербайджанца, выросшего в Азербайджане, и теперь занимается детьми и домашним хозяйством. Впрочем, далеко не всегда наличие в населенном пункте родственников означает тесное с ними общение. Например, у Б. (м., 19 лет, Арм., № 316) в Тюмени есть шесть семей ближайших родственников, и отец информанта хотел бы, чтобы Б. общался с ними чаще, чем с русскими друзьями. По этому поводу — кто важнее и надежнее: родственники или друзья, они с отцом регулярно спорят. Более того, в ряде случаев с родственниками могут возникать конфликты: так, например, один из родственников информантки Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261) увидел ее гуляющей поздним вечером с мальчиком и позвонил ее маме, но мама не поддержала его возмущения, телефонный разговор привел к ссоре, и теперь мама информантки и этот родственник не общаются.

Наличие или отсутствие родственников, в свою очередь, связано с миграционной историей семьи и профилем населенного пункта. Так, например, в Тюмени много азербайджанцев из Шамкирского и Газахского районов, значительная часть которых занимаются торговлей на овощебазе: информант К. (м., 19 лет, Азерб., № 324) рассказал, что он знает порядка 200–300 семей из Шамкирского района, из них близко общаются пять-семь семей, и почти вся его родня, включая отца, работает на овощебазе. В Новом Уренгое много семей из Тоузского района Азербайджана, и общаются они довольно интенсивно — родители информантки Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368) с ноября 2017 по июнь 2018 г. были уже на 15–18 свадьбах. В Ноябрьске и Муравленко много талышей из Астаринского района Азербайджана, в частности из села Шахагач; почти все армяне, живущие

в Нижнесортнымском, из Нагорного Карабаха; узбеки и киргизы в Нижнесортнымском и Федоровском — из Кочкор-Аты, а узбеки, кроме того, еще из Коканда и Андижана.

Таким образом, круги общения мигрантов второго поколения в Тюменской области на протяжении разных этапов жизни, скорее, смешанные и включают в себя представителей разных национальностей. Степень присутствия представителей той же этнической категории в социальной среде мигрантов второго поколения варьируется, и их наличие далеко не всегда означает возникновение дружеских связей. Помимо учебных заведений существует еще как минимум два важных контекста, в которых мигранты второго поколения, прежде всего мужского пола, могут приобретать социальный капитал: мечеть и спортивные секции. В зависимости от миграционной истории семьи и профиля населенного пункта информанты могут расти в окружении родственников и земляков своих родителей и, например, тесно общаться со своими двоюродными братьями и сестрами.

Романтические отношения и брак

Мигранты второго поколения отличаются от своих родителей в плане установок относительно этнической принадлежности будущих супругов: если родители чаще всего видят в качестве мужа или жены для своего ребенка представителя той же национальности, то сами дети придерживаются такого мнения существенно реже. При этом часто для родителей имеет значение не просто страна происхождения будущего супруга, но и регион — и соответствующие локально специфические этничности. Например, родители-талыши в первую очередь хотят своим детям талышских супругов и только во вторую — азербайджанских. Например, X. (м., 22 года, Азерб., № 232), рассуждая о будущей невесте, говорит, что для его родителей и тем паче для его родственников в Азербайджане важно, чтобы жена была талышка, в крайнем случае азербайджанка; ему самому все равно, но он понимает, что живет не в вакууме, и в случае выбора не-талышской и не-азербайджанской девушки ему придется преодолевать некоторое сопротивление — в первую очередь родственников в Азербайджане. Таджичка С. (ж., 19 лет, Тадж., № 229), как и ее семья, ожидает, что ее мужем станет выходец из родного села ее родителей в Таджикистане. При этом молодые люди чаще, чем девушки, уверены, что родители примут любой их выбор — даже если он будет противоречить родительским ожиданиям. Например, выросший в Нефтеюганске талыш Б. (м., 20 лет, Азерб., № 293) уверен, что родители желают, чтобы он был счастлив, и потому будут готовы принять его невесту любой национальности, тогда как его сестра вышла замуж за азербайджанца — и иначе быть не могло. Есть другие, более редкие случаи, когда родители думают не об этнической принадлежности, а о конфессии будущего супруга своих детей. Так, для армянки И. (ж., 40 лет, Арм., № 262), матери двух сыновей, выросших в Нижнесортнымском, важно, чтобы они женились не на мусульманках, а их национальность не важна. Для родителей азербайджанца С. (м., 22 года, Азерб., № 332) важно, чтобы его будущая жена была мусульманкой. Для редких родителей не имеет значения ни этническая принадлежность, ни конфессия будущей супруги или супруга: например, в семье узбечки Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261) ни у кого нет ожиданий, что она выйдет замуж обязательно за узбека или мусульманина.

Сами же мигранты второго поколения довольно сильно различаются в своих ожиданиях относительно будущего супруга или супруги. Одни выражают желание заключить брак с выходцем из региона происхождения родителей, другие — с представителем своей национальности, третьи — с представителем своей конфессии, наконец, четвертые не обращают внимания ни на национальность, ни на религиозную принадлежность, но среди них встречаются мужчины, ожидающие, что их будущая супруга будет девственницей. Например, талыш С. из Ноябрьска (м., 25 лет, Азерб., № 353) женился на талышке, как и хотел, потому что ей не надо ничего объяснять, и уверен в том, что в их семье все ровно так, как в семьях их родителей. Азербайджанка Т., живущая в Тюмени (ж., 21 год, Азерб., № 335), хочет выйти замуж за азербайджанца, чтобы поддерживать «чистый азербайджанский род». Имея предвзятое отношение к узбекским мужчинам и соблюдая мусульманские обычаи, мигрантка второго поколения из узбекской семьи Д. (ж., 23 года, Узб., № 248) хотела выйти замуж именно за мусульманина — не номинального, а практикующего, и несколько месяцев назад заключила никох с аварцем. Армянин Ю. (м., 39 лет, Арм., № 372) еще в юности предупредил родителей, чтобы они не ждали от него, что он женится на армянке, потому что Новый Уренгой, где он живет с детства, это многонациональный город, и в итоге женился на украинке. Живущий в Сургуте О. (м., 21 год, Арм., № 222) против воли родителей встречается с русской девушкой и в качестве супруга видит именно ее: для него

важно, что до него у нее отношений не было. Другой информант (м., 21 год, Азерб., № 360) встречается с русской девушкой и говорит, что жениться на ней не сможет, поскольку у нее были сексуальные отношения с другим мужчиной до него. Установки относительно девственности, впрочем, могут меняться: например, Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) после отношений с русской девушкой, которая имела до него сексуальный опыт, перестал считать девственность важной.

Наличие романтических отношений до брака более характерно для молодых людей, чем для девушек. Если же девушки вступали в отношения, которые их родные не одобрили бы, то они вынуждены были либо прекращать эти отношения и находить «подходящего» партнера, либо — что встречалось в исключительно редких случаях — прерывать связь с родными. Например, информантка из киргизской семьи (ж., 23 года, Кирг., № 252) четыре года встречалась с дагестанцем, не афишируя эти отношения перед родными, а когда к ней домой пришли свататься его родственники, узнала позицию своих родителей, согласно которой она может выйти замуж только за киргиза. Молодым людям пришлось расстаться, и последние пару месяцев она встречается с мигрантом второго поколения, чья семья тоже когда-то приехала из Киргизии, и очень рада, что он внешне похож на ее бывшего молодого человека. Азербайджанка, выросшая в Тазовском (ж., 25 лет, Азерб., № 376), рассказала, что для азербайджанки выйти замуж за не-азербайджанца очень сложно, и она знает только один случай, когда девушка вопреки воле родителей встречалась с русским парнем и вышла за него замуж, а родители приняли этот факт только спустя некоторое время. Азербайджанка Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368) настолько привыкла с детства к мысли, что ни за кого другого, кроме азербайджанца, ее не отдадут, что «перестала рассматривать не-азербайджанских парней как парней».

Романтическими партнерами молодых людей из числа мигрантов второго поколения чаще становятся девушки других национальностей. Так, например, азербайджанец О. (м., 23 года, Азерб., № 362), живущий в Новом Уренгое, встречался полгода с украинкой, но они расстались, поскольку он хочет жениться только на азербайджанке и планирует, когда соберется жениться, искать невесту в Азербайджане. Азербайджанок для «несерьезных отношений» он никогда не рассматривал, так как в Новом Уренгое «все всех знают» и, если что, «проблем не оберешься». Аналогично другой азербайджанец из Нового Уренгоя Н. (м., 23 года, Азерб., № 344) считает, что жениться нужно на азербайджанке, но последние пять лет встречается с русской девушкой, с которой познакомился в колледже. По его словам, с ней он просто «проводит время», до нее у него были разные девушки — русские, кумычки, чеченки, а азербайджанок не было никогда.

Родители могут воспринимать такие отношения как временные, рассчитывая, что брак их ребенок (чаще всего эти истории возникают с сыновьями) заключит в итоге с партнером той же национальности. В тех случаях, когда такие отношения оказываются более длительными и серьезными, чем рассчитывают родители, могут возникать споры и конфликты. Например, О. (м., 21 год, Узб., № 231) в школе общался с ингушкой, его мама, узбечка из Киргизии, была против и просила его эти отношения прекратить, он маму обманул — сказал, что они больше не общаются, хотя это было не так. В приехавшей из Армении семье информанта Б. (м., 19 лет, Арм., № 316) его отношения с русской девушкой — предмет постоянных споров с отцом, который вначале считал, что это несерьезно, что Б. одумается и женится все равно «на своей», а потом стал уговаривать сына, что он и его русская девушка слишком разные и друг другу не подходят. Б. с отцом не спорит и говорит, что если отец прав, то с девушкой они в итоге расстанутся, — но сам с удовлетворением замечает, что спустя два года его родители стали к русской девушке привыкать. Иногда информанты придумывают стратегии, чтобы родители изменили свое мнение. Например, против русской девушки У. (м., 20 лет, Кырг., № 379) высказываются его родители и родственники, а ему важно сохранить хорошие отношения с родными, поэтому он обдумывает варианты действий, например привезти девушку для знакомства с дедом в Киргизию, если дед одобрит — то родные не будут против, или же жениться сначала на киргизке, как того хотят родные, а потом развестись и жениться уже на той, кого сам выберет.

Если романтические отношения мигрантов второго поколения в Тюменской области часто возникают с партнерами иных национальностей, то браки, напротив, как правило, заключаются с представителями той же национальности. При этом брачные партнеры могут быть мигрантами второго поколения, выросшими в Тюменской области или в другом регионе России, и тогда семья будет жить в России: Е. (ж., 25 лет, Азерб., № 281) вышла замуж за азербайджанца, который вырос в Мурманске, но родители которого — односельчане родителей информантки; они познакомились в отпуске в родном селе родителей, а поженившись, стали жить в ХМАО. Кроме

того, брачные партнеры могут быть мигрантами первого поколения или же вообще проживать в стране происхождения родителей и не иметь опыта проживания в России — и тогда семья может жить как в России, так и в другой стране. Две поездки в Таджикистан потребовались другому информанту (м., 39 лет, Тадж., № 242), для того чтобы найти себе жену, которую он привез в Россию. Информантка Т. (ж., 27 лет, Азерб., № 383), выросшая в Новом Уренгое, вышла замуж за бакинца, они прожили два года в Азербайджане, а потом уехали обратно в Россию. Ситуации переезда в страну происхождения родителей в связи с заключением брака встречались только среди девушек: так, сестра Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312) вышла замуж за азербайджанца, который всю жизнь живет в Азербайджане, и уехала к нему.

Мигранты второго поколения из Азербайджана и реже — из Средней Азии активно обсуждают тему близкородственных браков. Историю сватовства двоюродного брата к ней рассказала Э. (ж., 26 лет, Азерб., № 368): ее сосватали за него, когда ей было 20 лет, против ее желания. Спустя два года должна была состояться свадьба, но у нее было настолько депрессивное состояние, что родители разрешили вернуть кольцо, расторгнув таким образом помолвку. Осознавая распространенность таких браков, другая информантка азербайджанского происхождения, Т. (ж., 21 год, Азерб., № 335), перестала общаться с двоюродными братьями, которые в какой-то момент начали ей активно писать в мессенджерах, потому что заподозрила, что это может быть отражением интереса отнюдь не братского характера и привести в итоге к сватовству. О свадьбе двоюродных брата и сестры, чьи родители, узбеки, приехали в Россию из Киргизии, рассказывала Е. (ж., 18 лет, Кирг., № 261).

Возникновению пар одной этнической принадлежности способствуют социальные сети и свадьбы — причем как посещение свадеб лично, так и просмотр видео уже состоявшихся торжеств. Сестру Н. (м., 26 лет, Азерб., № 312) ее будущий муж увидел на свадьбе в Азербайджане, после чего, поскольку социальных сетей еще не было, они общались эсэмэсками, а после года такого общения он прислал видео с чьей-то свадьбы, где он присутствовал, и несколько своих фотографий. На видео со свадьбы своей сестры, снятом в Азербайджане, Р. (м., 25 лет, Азерб., № 380) заметил красивую девушку и через родственников добыл ее контакты — она, как выяснилось, с детства жила в Москве. Сестру Б. (м., 20 лет, Азерб., № 293) на видеозаписи чьей-то свадьбы увидел ее будущий муж, живший в Азербайджане, начал искать ее контакты, и кто-то выдал ему ее «фейковый» аккаунт² в «Одноклассниках»: пользоваться социальными сетями ей было запрещено; их тайное общение вскрылось, ее дома побили, но в итоге они поженились.

В целом родители информантов чаще ожидают, что их дети будут заключать браки с представителями «своей» этнической категории, тогда как установки самих информантов относительно будущих супругов варьируются. Романтические отношения до брака больше характерны для молодых людей, чем для девушек. Этническая принадлежность информантов и их романтических партнеров, как правило, не совпадает, а информантов и их брачных партнеров — напротив, совпадает.

Этническая идентификация

Особенность Тюменской области, в первую очередь ХМАО и ЯНАО, — полиэтничность, которая формировалась вместе с освоением Севера, появлением и ростом новых населенных пунктов. В советское время основу региона составляли русские, украинцы, башкиры и татары, а в постсоветское — значимым стало также присутствие выходцев с Северного Кавказа [Капустина, 2014а, 2014б; Опарин, 2016; Ярлыкапов, 2008], прежде всего в ХМАО, в силу чего жители округа хорошо знают и различают северокавказские, и в частности дагестанские, национальности: ногайцев, аварцев, лезгинов и т.д. Присутствие «кавказцев» в регионе, как будет показано далее, является существенным фактором складывания самоидентификации мигрантов второго поколения.

В силу полиэтничности окружения с детства для части информантов этническая идентификация не имеет большого значения — например, живущая в Сургуте информантка киргизского происхождения (ж., 23 года, Кырг., № 252), по ее словам, иногда забывает, что она кыргызка. Азербайджанец С., выросший в Сургуте и уехавший получать высшее образование в Тюмень (м., 22 года, Азерб., № 332), в детстве думал, что «все нерусские, кавказцы — это одна нация», и в возрасте трех лет в ответ на вопрос о национальности мог назвать любую, не считая, что это важно. Выросшего в Сургуте армянина Б. (м., 24 года, Арм., № 235) в детстве во дворе спросили, кто он по национальности, — он не знал, побежал задать этот вопрос маме, она ска-

² Аккаунт, в котором фотография и имя не позволяют достоверно определить его владельца.

зала, армянин, он побежал снова во двор, ответил вопрошавшему — и тот спросил, а кто это такие, и информант снова вынужден был обратиться за помощью к маме. Когда его, единственного армянина на школу, дразнили в начальных классах «армянином», он не понимал, почему на это можно обижаться и какое значение вообще имеет национальность. Живущая в одном из небольших поселков Тюменской области информантка (ж., 18 лет, Кырг., № 261), только оказавшись в поездке в Европе, начала размышлять о том, к какой национальной категории она относится.

Тем не менее чаще всего, обсуждая в интервью свою этническую идентификацию, информанты называли «номинальную национальность»: таджик/таджичка, азербайджанец/азербайджанка и т.д. При этом отдельные этнические категории могут быть стигматизированы и связаны с отрицательными качествами: в ходе полевой работы мигранты второго поколения из таджикских семей рассказывали, что, озвучивая свою национальность, видят удивление собеседников, по мнению которых, таджики не могут быть «умными и красивыми»; более того, иногда они слышат советы не озвучивать свою этническую категорию (ж., 19 лет, Тадж., № 219; ж., 22 года, Тадж., № 299). Часть из них следует этим советам: переехавший из Таджикистана в Россию в 12 лет К. (м., 22 года, Тадж., № 227) первые годы стеснялся говорить, что он таджик.

Интересен случай мигрантов второго поколения из талышских семей. Следуя логике советского этнографического экскурса, отметим, что талыши живут на юге Азербайджана, а талышский язык относится не к тюркской, а к иранской языковой группе. Вопрос, насколько талыши и азербайджанцы — «единый народ», вызывает много споров. Для многих информантов он решается ситуативно: если вопрос о национальности задает русский, то ответ будет «азербайджанец», а если спрашивает азербайджанец — то ответ будет «талыш». Отчасти это связано с тем, что русские не знают, кто такие талыши (м., 25 лет, Азерб., № 353), и даже путают с латышами (м., 23 года, Азерб., № 334), отчасти — с тем, что азербайджанцы нередко интересуются районом происхождения родителей, и талыши — это определенная географическая привязка, помимо прочего (м., 25 лет, Азерб., № 380). Другой ответ на этот вопрос состоит в том, что азербайджанцы это нация, а талыши — народность (м., 27 лет, Азерб., № 383), и потому можно считать себя одновременно азербайджанкой и талышкой (ж., 16 лет, Азерб., № 297). При этом мало кто из информантов видит значительные отличия талышей от азербайджанцев: язык в качестве «маркера» назвали С. (м., 17 лет, Азерб., № 276) и Т. (м., 19 лет, Азерб., № 278), хотя для последнего то, что он талыш — важно, он считает, что жениться надо только на талышке, иначе «мы исчезнем». Всегда спорит с азербайджанцами, когда они пытаются назвать его азербайджанцем, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353). Напротив, называет себя «россиянкой, а по национальности азербайджанкой» информантка Э. (ж., 20 лет, Азерб., № 247), чьи родители — талыши. Ощущение отчужденности испытывает Х. (м., 22 года, Азерб., № 232), объясняя это тем, что непонятно, где талыш — свой: и в России не русский, и в Азербайджане не азербайджанец.

Помимо этого, есть комбинированные варианты идентификации — «наполовину русский, наполовину таджик» (м., 21 год, Тадж., № 350); «кыргыз с русским мышлением и воспитанием» (м., 20 лет, Кырг., № 379), «бакинский армянин с обрусевшим менталитетом» (м., 39 лет, Арм., № 372). При этом к встречавшимся в интервью понятиям «обрусеть», «орусеть» или «оруситься» относятся по-разному и по-разному их интерпретируют. В ходе групповой дискуссии с молодежью таджикского происхождения в Сургуте слово «обрусевший» толковали двумя способами: во-первых, обрусевший — тот, кто сознательно отошел от своей культуры, во-вторых — тот, кто живет в России (ГД, № 225). Два информанта киргизского происхождения в Сургуте разошлись в толкованиях: В. (м., 25 лет, Кырг., № 250) считает, что обрусел, потому что принял российские нормы, а Т. (м., 18 лет, Кырг., № 251) говорит, что не обрусел, потому что поддерживает высокий уровень киргизского языка. Информант таджикского происхождения И. (м., 21 год, Тадж., № 305) считает себя обрусевшим, поскольку дружит с русскими, встречается с русскими девушками, пьет алкоголь, ест свинину и не считает, что секс возможен только после свадьбы. Для части информантов обидно услышать от других, что ты обрусел. Например, информанту Х. из талышской семьи (м., 22 года, Азерб., № 232) в качестве комплимента иногда говорят, что он «обрусился», но ему это слышать неприятно, потому что он видит в этом такую логику: если не русский — то еще не человек, а человеком можно стать только после того, как стал русским, и его это задевает — потому что он гордится своим народом. Ни один из информантов не назвал себя русским. Максимально к этому приблизился выросший в Ставрополье и переехавший в ЯНАО Б. (м., 32 года, Азерб., № 347): когда ему не верят, что он азербайджанец, потому что он говорит по-русски без акцента, он отвечает — значит, русский.

Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области...

Важная категория, с которой соотносят себя информанты, в первую очередь мигранты второго поколения азербайджанского происхождения, — это «кавказцы». С одной стороны, информанты говорили о себе как о «нерусских» и «кавказцах»: например, рассказывая о своей армянской подруге со школьных лет, азербайджанка Т. (ж., 20 лет, Азерб., № 320) сказала, что азербайджанцы, как и армяне — одна нация «кавказцев»; талыш Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) упоминал несколько раз «наши, нерусские», «я, кавказец», другой талыш (м., 20 лет, Азерб., № 293) считает, что «все кавказцы одинаковые». С другой стороны, есть среди мигрантов второго поколения азербайджанского происхождения и те, кто отделяет себя от «кавказцев» или «северокавказцев»: например, азербайджанец Т. (м., 17 лет, Азерб., № 357) считает, что чеченцы — «дикие». Мигранты второго поколения из Средней Азии в интервью говорили, что чеченцы — агрессивные (м., 18 лет, Кырг., № 251), а ногайцы живут по правилам АУЕ, то есть пристают на улице к людям и «совращают» русских девушек (м., 21 год, Кырг., № 224). Однако в целом в регионе, особенно в его северной части, «кавказские модели поведения» получают распространение среди молодых мужчин независимо от их этнической идентификации. Эти модели поведения связаны с агрессивным поведением на дорогах, стремлением к дорогим автомобилям, готовностью отстаивать позицию «братьев» независимо от их правоты и желанием напугать «чужих» (м., 22 года, Азерб., № 323). Информанты отмечают, что принятию такой модели поведения сопутствует появление акцента при разговоре на русском языке, не характерного для человека в иной ситуации (ж., 20 лет, Азерб., № 246). При этом отношение к таким «кавказским» моделям поведения бывает амбивалентное: армянин О. (м., 21 год, Арм., № 222) отмечает, что вайнахи всегда стоят за «своих», даже если те им незнакомы и в какой-то ситуации неправы, — и это воспринимается им одновременно как достоинство и недостаток.

Часть информантов соотносит себя с другой категорией — мусульмане: например, мусульманами себя называют, во-первых, живущий в Нижнесортнымском И., родители которого приехали из Таджикистана (м., 24 года, Тадж., № 264), во-вторых, выросшая в Когалыме и переехавшая в Сургут Д., чьи родители приехали из Узбекистана (ж., 23 года, Узб., № 248). При этом степень религиозности и связанные с этим практики тех, кто называет себя мусульманами, сильно варьируются. Пример наиболее религиозного информанта — Д. (ж., 23 года, Узб., № 248), которая держит пост, читает намаз, старается носить закрытую одежду и платок, читает книги про ислам. Наименее религиозный из наших информантов — И. (м., 21 год, Тадж., № 305), который «верит в бога, но немного» и называет себя «плохим мусульманином», поскольку ест свинину, выпивает, имеет близкие отношения с девушками и не постится.

Помимо идентификаций, связанных с национальностью и конфессией, среди информантов популярны также региональные или локальные идентификации: северянином называет себя С., в детстве переехавший с семьей из Армении в ЯНАО (м., 39 лет, Арм., № 363); выросший в Сургуте С., чьи родители приехали из Азербайджана, в ходе интервью упоминал «мы, сибиряки» (м., 22 года, Азерб., № 332); тюменкой себя называла В. — девушка из узбекской семьи, переехавшей в Тюмень из Таджикистана (ж., 22 года, Тадж., № 330).

В целом мигранты второго поколения по-разному определяют себя в этнических категориях, преимущественно — через «номинальную» национальную категорию, но также через «гибридные» и собирательные категории. При этом полиэтничность региона находит отражение в том, что для части информантов этническая идентификация не имеет большого значения. Значимость «кавказского присутствия» выражается в том, что среди мужчин, независимо от их национальности, распространение получают «кавказские» модели поведения.

Языковые практики

Русским языком мигранты второго поколения в Тюменской области владеют на уровне родного или свободно, знание языка родителей может варьироваться. Не владеют языком родителей те, в чьих семьях говорят по-русски: несмотря на обилие родственников почти не говорит на таджикском С. (ж., 19 лет, Тадж., № 229); знает только несколько узбекских фраз Е. (ж., 18 лет, Кырг., № 261); выучил киргизский язык, только поехав в Москву, Т. (м., 25 лет, Кырг., № 250). Впрочем, значительно более частая ситуация — все же использование дома родного языка родителей, что вкупе с интенсивными транснациональными практиками и наличием родственников в ближайшем окружении в России способствует тому, что мигранты второго поколения выучивают язык родителей как минимум до уровня устного. Полное же владение письменным и устным языком родителей обеспечивается хотя бы несколькими годами в школе в стране происхождения родителей — и иногда специальными занятиями в России: например,

проучившаяся до 11 лет в Армении Е. (ж., 20 лет, Арм., № 314), переехав в Тюмень, ходила в армянскую воскресную школу.

Интересна языковая ситуация информантов из талышских семей — в отличие от многих других они с детства могут выучить сразу три языка: русский, азербайджанский и талышский. Часть родителей целенаправленно учит детей дома и азербайджанскому, и талышскому: например, С. (м., 25 лет, Азерб., № 353) с мамой говорил всегда по-азербайджански, с отцом — по-талышски, с братьями — по-русски. Другие родители, напротив, дома в России говорят либо на азербайджанском, либо на талышском, но за счет поездок на родину дети выучивают и другой — талышский и азербайджанский соответственно. Например, в семье Ю. (м., 23 года, Азерб., № 234) родители говорили преимущественно на русском, с детьми иногда специально говорили по-азербайджански, а талышский язык информант выучил в поездках в Азербайджан; напротив, в семье Х. (м., 22 года, Азерб., № 232) родители говорили на талышском, а азербайджанский он выучил в поездках в Азербайджан, где на этом языке даже в родном селе его родителей, где раньше преобладал талышский, сейчас говорит вся молодежь. Совсем не говорит ни на талышском, ни на азербайджанском, но понимает эти языки Э. (ж., 20 лет, Азерб., № 247) — родители с ней говорили всегда по-русски, чтобы у нее не было проблем в школе, и удивляются, что она на этих языках может что-то понимать. В равной степени владеет и пользуется азербайджанским и талышским, помимо русского, Т. (м., 19 лет, Азерб., № 278). В остальных случаях баланс между талышским и азербайджанским колеблется. Информант может говорить по-азербайджански, но совсем не владеть талышским (М., 16 лет, № 297); может знать азербайджанский лучше, чем талышский (м., 23 года, Азерб., № 334; и м., 21 год, Азерб., № 321); наконец, уровень талышского может быть выше, чем уровень азербайджанского (ж., 25 лет, Азерб., № 295).

В целом русским языком информанты владеют на уровне родного или свободно, а знание языка или языков родителей варьируется от базового понимания до свободного владения письменным и устным.

Заключение

Интеграция мигрантов второго поколения в Тюменской области тесно связана со спецификой региона. Первая отличительная черта этой области отражается в истории ее освоения/заселения с усилиями государства по привлечению «на Север» специалистов разного уровня квалификации из разных частей СССР. Такая история освоения заложила основы полиэтничности региона, которая, в свою очередь, имеет важные импликации: во-первых, для части информантов этническая идентификация не имеет высокой значимости; во-вторых, полиэтничное окружение — в образовательных учреждениях, на кружках и дополнительных занятиях, на работе, в повседневности — способствует тому, что круги общения мигрантов второго поколения являются смешанными. Мигранты второго поколения в Тюменской области владеют русским языком на уровне родного или свободно, в романтические отношения чаще вступают с представителями других национальностей, но браки создают чаще с теми, кто относится к той же этнической категории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Капустина Е.Л. Выходцы из Дагестана в Западной Сибири: К вопросу о формировании транслокальных сообществ // Этнокультурные ландшафты на постсоветском пространстве: Проблемы и особенности формирования дагестанского компонента (к 90-летию ИИЭА ДНЦ РАН). Кол. монография. Махачкала: ИИЭА ДНЦ РАН, 2014а. С. 96–114.

Капустина Е.Л. Собственность на север: Мигранты из Дагестана и освоение городского пространства в Западной Сибири (на примере ситуации в г. Сургут) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014b. Т. 17. № 5. С. 158–176.

Опарин Д.А. «Местные» и «Приезжие» на Ямале: Социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4. С. 108–130.

Рочева А.Л., Варшавер Е.А., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения из Закавказья и Средней Азии в Тюменской области: Образовательно-трудовые траектории, региональный контекст и характеристики родителей // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 136–135.

Ярлыкапов А.А. Нефть и миграция ногайцев на Север // ЭО. 2008. № 3. С. 78–81.

A.L. Rocheva, E.A. Varshaver, N.S. Ivanova

The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Vernadskogo av., 84, k. 3, Moscow, 119571, Russian Federation
E-mail: anna.rocheva@gmail.com;
varshavere@gmail.com;
nataliya.ivanova.0709@gmail.com

INTEGRATION OF SECOND GENERATION MIGRANTS FROM TRANSCAUCASIA AND CENTRAL ASIA IN THE TYUMEN REGION: SOCIAL, LINGUISTIC AND IDENTIFICATION ASPECTS

This article examines integration of second-generation migrants from Transcaucasia and Central Asia (Azerbaijan, Armenia, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan) in the Tyumen region, namely their social ties, characteristics of their romantic partners and spouses, language competences and ethnic identifications. The empirical basis for the research included 169 interviews with second-generation migrants and experts conducted in eight localities of the region. This fieldwork constitutes a part of a larger project on second-generation migrants in Russia. This project conducted using both quantitative and qualitative methods is the first all-Russia endeavour to study second-generation migrants aged 18–35 years old. The term «second-generation migrants» refers to individuals, whose parents moved to Russia and who graduated from a Russian school, regardless of whether they were born in Russia or moved to Russia at pre-school or school age. The history of the settlement/development of the region in the Soviet period, when the State played a significant role in attracting labour force from different parts of the USSR, contributed to a high level of polyethnicity in the region. This is reflected in a high level of ethnic diversity of the social ties of second-generation migrants at different life stages. Starting from the school years, second-generation migrants in the region continue to communicate in mixed social circles. The share of co-ethnic friends and acquaintances varies but never predominates. Apart from educational institutions, there are two other contexts, which may contribute to changes in the ethnic composition of social circles: mosque and sports activities. Self-identification according to ethnic categories is common but, due to the ethnic diversity of the region, relevant not for all the informants. Romantic relations, which are much more characteristic of male second-generation migrants, are mostly with non-co-ethnic partners. Conversely, marriages are much more often co-ethnic, which reflects the attitudes of the informants' parents, although the attitudes of the second-generation migrants in this regard vary. All the informants speak fluent Russian, while the level of their parent's language(s) proficiency can vary.

Key words: second generation migrants, Central Asia, Transcaucasia, Tyumen region, integration, social ties, marriages, romantic partners, ethnic identification, languages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-45-2-166-175

REFERENCES

- Kapustina E.L. (2014a). Migrants from Dagestan in Western Siberia: To the question of formation of translocal communities. *Etnokul'turnye landshafty na postsovetskom prostranstve: Problemy i osobennosti formirovaniia dages-tanskogo komponenta (k 90-letiiu IIEA DNTs RAN)* (pp. 96–114), Makhachkala: IIEA DNTs RAN.
- Kapustina E.L. (2014b). Ownership of the North: Migrants from Dagestan and acquisition of the urban space in the Western Siberia (on the case of Surgut). *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, (5), 158–176.
- Oparin D.A. (2016). «Locals» and «Newcomers» on Yamal: Social boundaries and variations of the migration experience. *Sibirskie istoricheskie issledovaniia*, (4), 108–130.
- Rocheva A.L., Varshaver E.A., Ivanova N.S. (2019). Integration of Second Generation Migrants from Transcaucasia and Central Asia in the Tyumen Region: Educational trajectories and employment. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, (1), 136–135.
- Iarlykapov A.A. (2008). Oil and Northbound migration. *Etnograficheskoe obozrenie*, (3), 78–81.

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 04.09.2018

Accepted: 01.04.2019

Article is published: 28.06.2019